

© 2018 г.

ЛЮ ЦЗЮАНЬ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ В СОЦИОЛОГИИ

ЛЮ Цзюань – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии Хуайхайского технологического института КНР, Ляньюньгань, КНР (liujuan1971@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются феномен «лингвистического поворота», точки зрения на человеческий язык в традиционной и современной социологии, различия понятий «лингвосоциология» и «социолингвистика», которые занимаются исследованием взаимодействия языка и общества; выявляются причины лингвистического поворота. С момента возникновения социология не включала лингвистику в поле своего зрения вплоть до 1960-х гг. Вслед за тем, как в философии, литературе и других сферах гуманитарных наук происходит «лингвистический поворот», в социологии также наблюдается подобное явление. Лингвистическая философия становится ведущей отраслью науки в мировом масштабе, но лингвистическая социология, к сожалению, не получила должного внимания.

Ключевые слова: язык • лингвистический поворот • социология • социолингвистика • лингвосоциология

DOI: 10.31857/S013216250000185-6

В социологии в последние десятилетия произошел ряд явлений, получивших название «повороты». Возникли повороты в социологии, среди них: лингвистический поворот, рискологический, материалистический и культуральный. И социология в этих подходах не исчезает, а становится другой по содержанию и форме [Кравченко, 2012: 19]. Н.В. Романовский насчитал – как минимум – 12 таких «поворотов»: "исторический, культуральный, поворот к памяти людей, нарративный, аффективный, лингвистический, прагматический, семиотический, этический, онтологический, отношенческий, и поворот к повседневности" и др. [Романовский, 2007; Романовский, 2009].

Невнимание к человеческому языку традиционной социологии. Социология как самостоятельная наука зародилась в первой половине XIX в., у истоков её стоял французский философ О. Конт. Позитивистская социологическая мысль складывается как реакция на бурные социальные трансформации того времени, реакция на французское Просвещение XVIII и утопический социализм XIX в. По утверждению О. Конта, метафизическими были предыдущие социальные концепции, которые выстраивались не на реальности, а на абстрактных принципах «свободы», «равенства», «братства» и «демократии», «освобождения». Эти принципы должны были в силу своего абсолютного характера развить движения, столь же враждебные основам нового порядка, как и развалинам старого строя [Конт, 2012: 95]. Конт утверждал, что социология должна исходить из «эмпирических фактов» и искать законы в «эмпирических фактах» подобно другим научным дисциплинам. Нет сомнений в том, что О. Конт отделил исследования социальных наук от традиционной схоластической и спекулятивной философии; он стал на путь получения исследовательского знания, фиксируясь на социальной практике и поиске законов.

Э. Дюркгейм предлагал рассматривать социальные факты как вещи. По его мнению, социальные факты как проявление действий, мышления и чувств составляют предмет социологии. Они характеризуются объективностью и принудительной силой, т.е. существуют вне индивида и обладают по отношению к нему нормативно-принудительным действием. Он подчеркивает, что социология должна изучать конкретные социальные факты, а не общие общественные движения. Только тогда она перестанет быть абстрактной, метафизической наукой – так позднее Дюркгейм определял заслуги Конта (см.: [Дюркгейм, 1995]).

В позитивистской социологии субъект и объект рассматриваются как противоположные сущности, отрицается необходимость взаимодействия между объектом и субъектом. Позитивизм

утверждает, что социология может изучать только объективные социальные факты, которые могут быть подтверждены экспериментальными методами. Позитивизм видит лишь социальные факты и не видит мотивы людей, скрытые за ними; субъективные факторы в реальности игнорируются. Социология изучает абстрактные эмпирические феномены, не принимая во внимание, в частности, повседневный язык субъектов [Liv Shaojie, 1999: 90].

М. Вебер критиковал позитивистскую социологию с позиции историзма за сведение человека и человеческой деятельности к абстрактным переменам. Он определил задачу социологии как «попытку интерпретации социальных действий», в результате чего начала формироваться гуманистическая интерпретативная социологическая исследовательская традиция. М. Вебер социальное действие определял как объект изучения социологии с особым акцентом на интенциональность действий, говоря, что социальное действие имеет человеческое субъективное измерение с ожиданием достижения определенной цели. Гуманистическая интерпретативная социология, представленная М. Вебером, расширяет социальные функции социологии: от познания действительности к ценностно-ориентированному осмыслению отношений между человеком и обществом. Однако для М. Вебера исследование социальных действий – это исследование построения идеально-типических конструкций или «утопий». Это означает, что социология для М. Вебера входит в реальность и уходит от нее. Понимающая социология М. Вебера не «укоренена» в реальной жизни и не в состоянии уделить внимание повседневному языку человека; лингвистический аспект оставался отделен от социологии (см.: [Вебер, 1991]).

Первым ввел лингвистические проблемы в социологию американский социолог Дж. Мид. В эпоху Дж. Мида бихевиористская психология была очень популярна. Бихевиоризм считает поведение человека пассивным ответом на стимулы внешней среды. Дж. Мид критикует бихевиоризм за игнорирование внутреннего опыта индивида и его субъективной инициативы. По утверждению Дж. Мида, животные могут производить прямые и автоматические ответы на стимулы, но люди имеют возможность использовать символы для представления их друг другу, обозначения предметов, мысли и жизненных переживаний. Без этой способности создавать и использовать символы модель организации человеческого общества не может формироваться, сохраняться и меняться. Человечество в высшей степени освобождено от инстинктивного и физического контроля, поэтому люди опираются на свою способность использовать символы для адаптации к окружающей среде, чтобы выжить. Следовательно, взаимодействие между людьми и взаимодействие между животными не одно и то же: взаимодействие между животными происходит через бессмысленные знаки, а между людьми – через значимые символы. Символы выступают проводником социального взаимодействия. Общее значение символов дано определенной группе людей – носителей языка. Каждый носитель языка имеет набор социальных характеристик. Следовательно, символы социальны, и символическое взаимодействие всегда является социальным взаимодействием. Символы, используемые людьми, являются в основном языковыми символами, но не только. Дж. Мид подчеркивает, что люди в общении используют и другие символы, приемлемые всеми, для коммуникации – мимика, жесты, звуки, интонация и прочие. Дж. Мид рассматривает языковую коммуникацию и символическое взаимодействие как внешние социальные явления, проникающие во внутренний мир человека. Фактически у Дж. Мида языковые проблемы выступают частью понимания и выражения общественной жизни. Таким образом, его подход к языку еще не говорит о лингвистическом повороте в социологии. Его концепция весьма близка психоаналитической антропологии, социальной психологии. Мида можно считать предвестником лингвистического поворота в социологических исследованиях (см.: [Мид, 2009]).

Внимание к человеческому языку в современной социологии. Под воздействием прагматизма середины XX в. после Дж. Мида лингвистические проблемы стали привлекать внимание социологов, что отражено в таких теориях, как символический интеракционизм, герменевтическая социология, социология повседневности, теория коммуникативного действия, рефлексивная социология. В унисон с усилиями Мида Ч. Кули разработал концепцию "зеркального я", У. Томас предложил понятия «определение ситуации» и «ситуационный анализ», подчеркивая роль субъективных факторов в жизни человека и посредническую роль символов.

Основные связанные с лингвистическим поворотом идеи символического интеракционизма можно резюмировать следующим образом: 1) использование символов – предпосылка форми-

рования и развития разума, самого себя и общества; 2) язык является основным механизмом формирования разума и личности; 3) люди знают себя, окружающих и общество через язык; 4) поведение индивида зависит от его собственного определения ситуации. Другими словами, интеракция между людьми в основном состоит из контактов. Через язык, жесты и поступки люди осуществляют контакты. Позднее Г. Файн писал, что теория символистического интеракционизма делает успехи в шести основных областях: теория идентичности, коллективное поведение, культура и искусство, социолингвистика и теория социальных проблем. Он предложил обозначать три новые развивающиеся области - новые подходы в этнографии, исследование эмоций и символический интерактивный анализ организаций. Направления коммуникативной этнографии и интерактивной социологии в современной социолингвистике тесно связаны с теорией символистического интеракционизма, фокусируясь на субъективных моментах человеческого поведения, активной роли сознания в человеческой деятельности и акценте на понимании и интерпретации процесса действия, а также на том, как сознание регулирует и направляет действия человека.

Еще одним стимулом появления феномена «лингвистического поворота» стала герменевтика — первоначально означавшая истолкование классических религиозных и иных текстов и выступавшая в качестве способа и искусства комментирования текста. Идеи герменевтики были выдвинуты немецкими учеными Ф. Шлейермахером, В. Дильтеем и впоследствии использованы для литературных и исторических исследований. М. Хайдеггер произвел их глубокое разъяснение и революционную реконструкцию. В трудах Х.Г. Гадамера, П. Рикёра и других исследователей они получили дальнейшее развитие.

М. Хайдеггер считает, что любое толкование и язык неразделимы, язык как понимание составляет априорную структуру человеческого существования. «Сущее с бытийным образом сущностного наброска бытия-в-мире имеет конститутивом своего бытия понимание бытия» [Хайдеггер, 2003: 174]. «Речь со-конституирует разомкнутость бытия-в-мире» [там же: 188]. Тем самым человек живет в окружении языка, «язык есть дом бытия», «В жилище языка обитает человек». Язык – это не орудие человека, а способ существования человека в мире. Воззрения М. Хайдеггера называют «экзистенциальной герменевтикой». Хотя он затрагивает проблемы интерпретации, основной упор заключается не в собственно герменевтике, а в раскрытии онтологической природы языка, в извлечении имманентной связи языка и истолкования.

Х.-Г. Гадамер с позиций герменевтики перенял и творчески применил идеи М.Хайдеггера. Гадамер полагает, что все феномены понимания по сути связаны с языком. «То, что является предметом познания и высказывания, всегда уже окружено мировым горизонтом языка» [Гадамер, 1988: 267]. Иначе говоря, жизнь человечества происходит в языке, язык и реальный мир имманентно объединены. Они находятся не в отношениях противопоставления субъекта и объекта, а в интегративном процессе. В силу этого исследование реального мира должно уделять особое внимание языку. Гадамер также указывает, что мы вовсе не выступаем в качестве субъекта языка, а являемся вовлеченными в языковой поток. «В буквальном смысле правильно было бы сказать, что не мы говорим на языке, но язык «говорит на нас» [там же, 274]. По существу Гадамер выступает с критикой инструменталистского подхода к языку, указав, что язык по сути не принадлежит конкретному человеку, а обладает «внеличностностью» («прозрачность «я»»), существует лишь во время «диалога» «нас».

П. Рикёр внедряет в область герменевтики многообразие способов и результатов исследований гуманитарных наук, открывая обширные перспективы развития и применения герменевтики. Он вводит конструктивистское понятие «текст», полагая, что главное для интерпретации – истолкование текста, который выступает как записанная языковая цельность. П. Рикёр пишет: «На мой взгляд, текст гораздо больше, чем частный случай intersubjectивных коммуникаций: это парадигма дистанцирования в общении. Равным образом текст отображает фундаментальную характеристику самой историчности человеческого опыта, то есть общение на расстоянии и также проходя через расстояние» [Ricoeur, 1981: 93]. Очевидно, Рикёр рассматривает дистанцирование текста в качестве условия понимания. Одновременно дистанцированность текста – преграда, которую нужно преодолеть, чтобы вернуться обратно к субъективному замыслу автора, находящемуся за текстом. Кроме того, П. Рикёр указывает, что текст не только то, что написано буквами. Значимые действия также являются субъектом, поэтому и то, и другое имеет структур-

ные характеристики как скрытый смысл, название и др. Из сказанного следует, что интерпретационная доктрина применима в отношении действий людей, в результате чего герменевтика вступает в область социологии. В отношении акта говорения герменевтика не только достигает совпадения полями с социологией, но и приводит к содержательному изменению герменевтической социологии, еще большее внимание уделяя существованию языка в поступках, общении, взаимопонимании и др.

В исторических условиях перехода человеческого общества от доиндустриальной и индустриальной эпох к постиндустриальному обществу, базовые общественные противоречия разворачиваются от отношений между человеком и природой к отношениям между людьми. Центральной задачей социума становится регулирование проблем межличностной коммуникации. Способ мышления исследований в социологии начинает разворачиваться от образа мышления, основанного на бинарной оппозиции субъективного и объективного, к образу мысли о «межсубъектности», к анализу общественной жизни в межличностных отношениях. Здесь особая роль в повороте внимания социологов к языку выпала на долю этнометодологии [Liv Shaojie, 1999: 94].

Г. Гарфинкель в 1954 г. придумал термин «этнометодология», которым обозначил науку, изучающую способы, применяемые человеком в поведении в повседневной жизни для ведения дел. Этнометодология не только возвращает опорную точку социологии назад к обычной повседневной жизни, но и выступает за изучение общественных явлений, способов, которыми человек повседневно обустраивает и упорядочивает жизнь и взаимодействует при межличностном общении. Не только базовым предметом исследования социологии является обыденная жизнь. Социология сама по себе является видом повседневной активности. На взгляд этнометодологии то, что обнаруживается в обычной жизни, представляет не структуру, модель или иные абстрактные формы, а всеобщие «речевые акты», доступные непосредственному восприятию и обнаружению. Только изучая «речевые акты» повседневной жизни людей, можно действительно войти в жизненный мир, в соприкосновение с процессом повседневного опыта людей. А разговор с необходимостью неотделим от межсубъектного языкового выражения, телодвижений и др. Этнометодология стала играть значимую роль в лингвистическом повороте современной социологии, являясь важной страницей его развития.

Классическая социология касалась проблематики языка, не проникая вглубь проблемы. Этнометодология же применяет философию обыденного языка Л. Витгенштейна и других авторов, производя глубокий анализ и исследования диалогов обыденной жизни. Витгенштейн — основатель философии обыденного языка; его основной труд раннего периода — «Логико-философский трактат», а позднего — изданные после его смерти «Философские исследования». В этих работах он на базе воззрений Ф. Де Соссюра о том, что языковой мир является миром хаотичного опыта, выдвинул постулаты: язык есть деятельность, игра, в мире существуют вещи, которые «нельзя передать» языком. Л. Витгенштейн провел анализ правил построения «языковой игры». Все это вместе взятое оказывает исключительное влияние на этнометодологию.

Еще один источник лингвистического поворота — постмарксистская критическая социология Франкфуртской школы, особенно идеи Ю. Хабермаса. Истоки его взглядов на социальную роль языка находятся в ранней Франкфуртской школе, современной западной лингвистической философии и других течениях. Ю. Хабермас производит преобразование и перестройку этих воззрений, одновременно предлагает более широкое видение проблемы — теорию коммуникативного действия, в которой он соединил культурную политику, этику дискурса и другие сферы.

Сказалось и новое состояние лингвистической философии. С конца 1950-1960-х гг. научные круги Европы и США провели целую серию дискуссий, в которых центральным и важным теоретическим вопросом является «язык». Метод лингво-прагматического анализа, имеющий своим ядром теорию речевого акта, которую создал Дж.Л. Остин и систематизировал Дж.Р. Сёрл, постепенно становится новым источником роста лингвистической философии, производит внутри неё новый «прагматический поворот» от семантики к прагматике.

Хабермас на основе критически развитой теории речевого акта, используя понятие «жизненного мира» (Э. Гуссерль) в качестве отправной точки, создал теорию коммуникативного действия. В 1976 г. он опубликовал работу «Что такое универсальная прагматика?», которая становится основой теории коммуникативного действия. Он полагает: главная задача универсальной

прагматики состоит в том, чтобы «идентифицировать и воссоздать универсальные условия возможного взаимопонимания» [Соболева, 2002: 119], установить всеобщие предпосылки коммуникативного действия. «Я бы полагал, что не только, язык, но речь – то есть использование предложений в произносимом – доступны формальному анализу» [Habermas, 1979: 6]. Тем не менее универсальная прагматика Ю. Хабермаса фокусируется не только на нормативных структурах речи, а на речевых актах и процессах речевых актов, на языковых способностях говорящего и языковом контексте, намерении, цели и эффекте, результатах и прочих обстоятельствах. На взгляд Ю. Хабермаса, понимание является прежде всего не когнитивной, а практической деятельностью по взаимодействию (интеракции), т.е. коммуникативной деятельностью между субъектами. Поэтому предпосылкой коммуникативной теории становится установление всеобщих условий понимания. Из сказанного следует, что универсальная прагматика применяет формальный анализ в отношении процесса речи. То, на чем акцентируется внимание в общей прагматике Ю. Хабермаса, это не нормативная структура речи, а речевой акт и ход речевого акта, языковые способности говорящего и языковая мотивация, контекст, намерение, цель, результат и прочие обстоятельства. По Хабермасу, основным для понимания является не познавательная активность, а практическая деятельность по взаимодействию (интеракции) есть коммуникативная деятельность между субъектами. Отсюда следует, что предпосылкой коммуникативной теории становится установление всеобщих условий понимания. В универсальной прагматике Хабермаса речь выступает условием человеческой деятельности, понимание выступает целью человеческой деятельности. Заметно, что в изучении речи он вышел за рамки границ, в которых понимание является лишь инструментом. Он вводит исследования, включая язык в широкий план общественной жизни и межличностных отношений, в его лингвистической философии ясна социальность языка.

По мнению Хабермаса, "оратор может иллюкативно влиять на носителя и наоборот, поскольку конкретные обязательства речи связаны с когнитивно проверяемыми требованиями валидности" [там же: 63]. Иными словами, требование эффективности - нормативная основа осуществления рационализации речи. Оно обеспечивает базу рационализации речевого акта. Ю. Хабермас разворачивает фокус внимания от фразы к дискурсу, от семантического анализа к прагматическому анализу, выявляет нормативность и эффективность в реальной коммуникативной деятельности, ставит на первый план социальный практицизм языка. Создание теории коммуникативного акта приводит к тому, что с помощью философского инструментария мы оказываемся в состоянии истолковать человеческую коммуникацию. Тем самым она способствует тому, что взаимодействие между субъектами достигает взаимопонимания и согласованности. Ю. Хабермас выпустил серию работ по проблематике языковой коммуникации, речевого действия: «Коммуникация и эволюция общества» (1976), «Теория коммуникативных действий» (1981), тем самым расширив границы лингвистического поворота в социологии.

П. Бурдьё на основе критики лингвистических теорий Ф. Соссюра и Н. Хомского в качестве методологии использует теории практики и постулирует, что язык является частью целостной общественной жизни, в каждодневном социальном взаимодействии непрерывно производится языковая трансформация и формулирование. Одновременно, он показывает, что языковая трансформация может выражать властные отношения между людьми. От звуков речи, интонации до слова – всё отражает разные статусные ступени, классовую позицию. Все люди при использовании языка демонстрируют разную степень власти: «Фактически доступ к легитимному языку совершенно неравный, и согласно лингвистам, универсальная компетентность языка теоретически либерально предоставлена всем, но на самом деле она монополизирована некоторыми» [Bourdieu, Wacquant, 1992: 146]. На Бурдьё повлияла лингвистическая философия позднего Витгенштейна, который выступал за раздробление ограничений структуралистских взглядов на язык, изучение функций языка в языковой практике и ориентирование на язык и социальную деятельность, в особенности на тесную связь языка и власти, тем самым выдвигая исследования социальной философии языка на передний край современной мысли.

Одним из достоинств П. Бурдьё является то, что он оказался способным развить и сконструировать собственные воззрения на язык, заимствуя терминологический аппарат экономики ("рынок", "капитал", "прибыль", "производство", "потребление" и т.п.) и др. «Экономика языко-

вого обмена» стала ядром социолингвистических взглядов П. Бурдьё. Язык предстает как экономический капитал, доступный для обмена. Если взять официальный в Российской Федерации «русский язык», внедряемый России в обиход, то писатель, создавая произведение, думает о максимизации «предполагаемой прибыли» в ходе языковых обменов, с необходимостью выбирает опцию как можно больше создавать произведения именно на «русском языке».

П. Бурдьё прилагает силы к тому, чтобы пересмотреть отношения языка и социальной жизни, его исходный пункт - «мягкое насилие», приносимое языком. Отношения «языка и символического насилия» становятся одной из главных тем его исследований. П. Бурдьё считает, что противоречия в общественной жизни остро проявляются через язык, все языки несут регулирующее действие в отношении общества. Высказывания, имеющие тенденцию функции конкретных политических целей и форм контроля, становятся мощными инструментами господства. «Языковое насилие» – важный фактор деформации человеческой жизни. Таким образом, «на долю социолога и выпадает собственно описание логики борьбы по поводу слов, ... понятно, что у него будут и проблемы со словами, которые он должен использовать, чтобы говорить об этой борьбе» [Бурдьё, 1994: 89]. Иначе говоря, социологии не только следует критически рассматривать функцию контроля языка по отношению к общественной жизни, но и переосмыслить то, как собственный язык социологии проникает в общество, входит в жизнь, воздействует на неё. Бурдьё интерпретирует социальные явления через языковые изменения. Одновременно с позиций социологии он анализирует исследовательскую модель языка, тем самым подрывая взгляды традиционной лингвистики на язык. Подобное переосмысление и критические исследования порывают с формальным лингвистическим анализом и отходят от метафизических исследований философии языка.

Дискурсивный анализ в качестве нового метода исследования в социологических науках придает междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям языка еще более критический оттенок. Он использует в качестве цели исследования внутреннюю структуру языка и его функции, а через речевой анализ истолковывает социальные проблемы общественной жизни, чтобы схватить разнообразные динамические проблемы, имеющиеся между дискурсом и социумом, подчеркнуть роль языка в социальной реальности и построении знаний. Теорию дискурсивного анализа главным образом развивал М. Фуко.

Этот французский философ и социолог описывает значение общественных отношений, скрытых дискурсом, сплетаемую здесь сеть правовых отношений, в результате чего раскрываются отношения тождества между дискурсом и полномочиями. В этом смысле его теория дискурса может именоваться теорией правового дискурса, теорией дискурсивной власти. Согласно его взглядам, дискурс – не только мыслимый знак и средство общения, но и «средство и цель борьбы», «дискурс – власть», «человек через речь устанавливает полномочия»; чем более системным является использование «принадлежащей себе» речи, тем активнее можно захватить власть, которые и приносят эта речь; если быть лишь сторонником и последователем, тогда не может быть права собственного голоса и дискурсивной власти (см.: [Foucault, 1980]).

Обычно дискурсивные теории считают, что человек является субъектом дискурса, однако М. Фуко полагает, что не человек выбирает правила организации речи, а правила выбирают человека для организации речи. Известны изречения М. Фуко: "не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят", "в словах мир говорит о себе". Поскольку мы не вольны в выборе языка для речи, а правилами языка передаем заранее определенное содержание, поэтому слова говорят сами себя, не мы говорим слова. Таким образом, субъектность создания и использования языка в традиционном смысле деконструирована, язык конструирует человеческую сущность. Язык оказывает влияние на общественную жизнь человечества, люди сформировали в отношении языка зависимость, от которой невозможно освободиться. Язык включает в себя ценностные ориентации, смысл жизни человека, общественные правила. В силу этого он становится базой строительства людьми общества. Таким образом, язык у Фуко обладает универсальной и всемогущей строительной силой. Теория дискурса М. Фуко стала аналитической парадигмой, широко применяемой социологами.

Лингвосоциология и социолингвистика. Термин «социолингвистика» впервые употребил в 1952 г. американский социолог Г. Карри в работе «Проектирование социолингвистики: взаимо-

связь речи с социальным статусом» (A projection of socio-linguistics: the relationship of speech to social status). В мае 1964 г. в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса прошла конференция по социолингвистике. Она приняла термин «социолингвистика», ознаменовав её зарождение. В качестве новой научной дисциплины социолингвистика направлена против двух лингвистических концепций XX в. – структурализма Соссюра и трансформационной грамматики Хомского. Первая утверждает: предмет исследования – язык, изучение языка ради языка. Последняя полагает: мы изучаем язык, чтобы проникнуть в человеческую психику. Обе концепции показывают, что лингвистика обладает тенденцией научности и детализации, но проходит мимо социальных функций языка. Социолингвистика изучает язык в социальной среде и включает общество в категорию лингвистических исследований. Она является результатом поиска и прорыва в традиционной лингвистике. В то же время в литературе Запада используется термин «лингвосоциология». Французский лингвист М. Коэн первым подошел к вопросам социологии языка и внёс предложение о создании лингвосоциологии. Лингвосоциологи раннего периода представлены американским социологом Д. Фишманом, который полагает, что лингвосоциология – это часть социолингвистики. Д. Фишман был признан представителем макросоциолингвистической школы.

Существует два противоположных взгляда на взаимосвязь социолингвистики и лингвосоциологии. Сущность первой точки зрения в том, что нет строгого различия между ними. Д. Фишман не различает эти термины, используя их как синонимы в работе «Достижения в области социолингвистики» (1971). Но парадоксально, что он делит содержание социолингвистики и лингвосоциологии на макро- и микро-части. Микрочасть он называет социолингвистикой, изучающей социальные переменные (класс, возраст, пол, уровень образования). Макрочасть он называет лингвосоциологией, изучающей языковую политику, языковое планирование, языковые стандарты, языковые и этнические проблемы. В книге «Социолингвистика» британский ученый Р. Хадсон писал: «Разница между социолингвистикой и лингвосоциологией скорее в акцентах, то есть в зависимости от того, чем более интересуется исследователь – языком или обществом, а также от того, какими навыками он владеет больше – навыками анализа лингвистических или социальных структур. И существует большая область, перекрытая ими обеими: кажется бессмысленным пытаться делить две дисциплины более четко, чем в настоящее время» [Hudson, 1996: 4]. Позиция очевидна: два термина можно не различить; возможно использование лингвосоциологии и социолингвистики в соответствии с интересами исследователей. Противоположный взгляд настаивает на различении двух терминов, считая, что социолингвистика и лингвосоциология – разные научные дисциплины. Хабермас, Бурдьё и Фуко ставили лингвистическое исследование в рамки теоретической основы социологии. Они придерживаются мнения, что лингвосоциология, социология культуры и социология образования – равные автономные современные социологические сферы.

На наш взгляд, единственное сходство между социолингвистикой и лингвистической социологией – это сочетание исследований языка и общества. Больше у них нет ничего общего друг с другом. Это объясняется следующими причинами:

- 1) Они принадлежат к разным научным дисциплинам. Лингвосоциология – это социология, она изучает общество через социальные языковые явления и социальные языковые факты, которые выступают инструментальными средствами изучения общества. В лингвосоциологии не рассматриваются языковые вариации. Даже если языковые вариации изучаются, то для решения социальных проблем. Напротив, социолингвистика как отрасль лингвистики изучает язык в отношении с обществом, языковые вариации и языковые закономерности в социальном контексте.
- 2) Предмет их исследования различен. Лингвосоциология изучает общество в отношении с языком, в том числе социальные явления, социальные факторы, социальные последствия и т. д. Социолингвистика изучает язык в социальной среде.
- 3) У них разные отправные точки. Социолингвистика идет от языка, от языковых факторов, лингвосоциология идет от общества, от общественных явлений и институтов.

Таким образом, разница между социолингвистикой и лингвосоциологией заключается не только в различии исследовательских интересов, но и в различии исследовательских методов и теоретических основ. Их нельзя смешивать [Zhang Zangchao, 1991: 46].

Заключение. На наш взгляд, лингвистический поворот в социологии обусловлен двумя причинами. Во-первых, в философии и ряде гуманитарных наук возник поворот, который дал толчок появлению лингвистических проблем в социологических исследованиях. Во-вторых, это неизбежный результат развития современной социологии. Зарождение лингвосоциологии дало новую дисциплину, производную от общей социологии. Особенностью современной науки является интеграция в диалектическом единстве дифференциации и синтеза в высокой степени. Взаимопроникновение дисциплин служит объективным требованием развития современного общества и неизбежной частью углубления сознания человека.

Лингвистический поворот в социологии обусловлен развитием комплекса гуманитарных наук и философии. Он, в свою очередь, стимулировал интерес к лингвистическим проблемам в исследованиях социологов. Это естественный ход развития современной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
- Конт О. Общий обзор позитивизма / Пер. с фр. М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. №5. С. 19-29.
- Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов с англ. М.: ИНИОН РАН, 2009.
- Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С.22-31.
- Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С.26-35.
- Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. № 2. С.97-119.
- Фурс В.Н. Философия незавершённого модерна Юргена Хабермаса. Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000.
- Хайдеггер М. Бытие и время/ Пер. с нем. Харьков: «Фолио», 2003.
- Fishman J. A. (ed.) *Advances in the sociology of language*. Vol. 1. The Hague: Mouton, 1971.
- Foucault M. *Power: knowledge selected interviews and Other writings*. New York: Painting books, 1980.
- Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Boston: Beacon Press, 1979.
- Hudson R.A. *Sociolinguistics*. London: Cambridge University Press, 1996.
- Liu Shaojie. *Sociological linguistic turn* // *Sociological research*. 1999. № 4. P. 89-97.
- Ricoeur P. *Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on language, action and interpretation*. Cambridge: University Press, 1981.
- Turner S.B. *The Blackwell Companion to Social Theory*. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2000.
- Zhang Zongchao. On the sociology of linguistics // *Social Science Research*. 1991. No. 6. P. 45-47.

Статья поступила: 05.03.18. Принята к публикации: 26.03.18.

ON THE LINGUISTIC TURN IN SOCIOLOGY

LIU JUAN

HuaiHai Institute of Technology, China

Liu JUAN, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Director of the Russian Department at HuaiHai Institute of Technology, Lianyungang City, China (liujuan1971@yandex.ru).

Abstract. In this article, various points of view on the human language are analyzed both in traditional and modern parts in Sociology; Sociology of Language and Sociolinguistics which study the combination of language and society are distinguished; the causes of the Linguistic Turn in Sociology are revealed. From the inception of Sociology to the 60s of the 20th century, language was not included in its field of vision. With the appearance of "Linguistic Turn" in philosophy, literature and other spheres of the humanities, "Linguistic Turn" also takes place in the sphere of Sociology. Language is a social phenomenon, and language occupies a significant position in the daily social life and the history of social civilization. Traditional sociologists do care much about human language. They emphasize that Sociology is based on empirical facts. The Linguistic prob-

lems have become the mainstream of Contemporary Sociology in Garfinkel and others' Ethnomethodology, Ricoeur's Hermeneutic Sociology, Habermas's Theory of Communicative Action, Bourdieu's Reflexive Sociology and Foucault's Anti-Structuralist Sociology. The Linguistic Turn in the field of Sociology is mainly based on reasons: the changes of social basic contradictions bring about human languages' being one of the focus of social sciences, in the area of liberal arts, linguistics' turn drive social sciences in motion, and the development of the trends of social sciences cause.

Keywords: Language; linguistic turn; sociology; language; sociolinguistics, lingvo sociology

REFERENCES

- Bourdieu P. (1994) *Beginnings. Choses Dites*. Transl. from French. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Conte A. (2012) *General View of Positivism*. Transl. from French. Moscow: "LIBROKOM". (In Russ.)
- Fishman J.A. (ed.) (1971) *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1. The Hague: Mouton.
- Foucault M. (1980) *Power: Knowledge Selected Interviews and Other Writings*. New York: Painting books.
- Furs V.N. (2000) *Philosophy of Incomplete Modern by Jurgen Habermas*. Minsk: ZAO "EconomPress". (In Russ.)
- Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*. Transl. from German. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Habermas J. (1979) *Communication and the Evolution of Society*. Boston: Beacon.
- Heidegger M. (2003) *Being and Time*. Transl. from German. Kharkov: Folio. (In Russ.)
- Hudson R.A. (1996) *Sociolinguistics*. London: Cambridge University Press.
- Kravchenko S.A. (2012) Complex Socium: Need for the Turns in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No.5:19-29. (In Russ.)
- Liu Shaojie. (1999) Sociological linguistic turn. *Sociological research*. No. 4: 89-97. (In Chinese)
- Mead G.H. (2009) *Selected Works: Coll. of translations from English*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Ricoeur P. (1981) *Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on Language, Action and Interpretation*. Cambridge: University Press.
- Romanovsky N.V. (2007) Contemporary sociology – a review. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No.1: 22-31. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2009) Contemporary sociology - the determinants of changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No.12: 26-35. (In Russ.)
- Soboleva M. (2002) Re.: concept of linguistic philosophy by Jurgen Habermas. *Logos* [Logos]. No.2: 97-119. (In Russ.)
- Turner S.B. (2000) *The Blackwell Companion to Social Theory*. New Jersey: Wiley-Blackwell.
- Zhang Zongchao. (1991) On the sociology of linguistics. *Social Science Research*. No. 6: 45-47. (In Chinese)

Received: 05.03.18. Accepted: 26.03.18.